

Предисловие

Роман не претендует на историческую точность относительно описания восточного похода Искандера Малого. Однако опирается на известные научные факты, а художественный вымысел в нём всего лишь заполняет белые пятна истории. Что же касается эпохи позднего СССР, то, кроме общих событий, некоторых героев, а также декораций времени и места, — всё вымысел: никто Авесту никогда не искал...

Глава 1

11 581 год от начала мира согласно Авесте.

7491 год от библейского Сотворения мира.

6224 год от начала египетской цивилизации.

1983 год от Рождества Христова.

1403 год от мусульманской хиджры.

Не успел Кузнецов зайти в кабинет замначальника по разведке оперативно-войскового отдела в Душанбе, как тот накинулся на него с расспросами по Ассасину. Сергей пояснил, что группа убыла сегодня с офицерами Центра на полигон 201-й дивизии для проведения занятий по спецподготовке.

— Давай сам Абдусаламову объясняй. Он меня уже обвинил, что я здесь с тобой развёл какую-то самодеятельность и не владею обстановкой. — Полковник закурил и протянул трубку закрытой связи: — При мне звони, чтобы я потом дураком опять не выглядел.

Кузнецов довёл информацию до генерала. Тот внимательно выслушал. Никаких уточняющих вопросов не задал, но объяснения подчинённого его явно не удовлетворили. Он буркнул что-то матерное и, никак не аргументируя, повторил заявление про самодеятельность. Зачем-то вспомнил недавнюю глупую ситуацию про мнимую засаду, устроенную на разведчиков Кузнецова их же агентом. Упрекнул подполковника в волюнтаризме и неосторожности. В конце, правда, успокоился, узнав, что старшим из Центра прилетел знакомый ему офицер управления боевой подготовки Главного штаба погранвойск. Данный полковник действительно числился старшим группы, но Сергей его даже не видел. Ему для занятий по огневой подготовке и минно-взрывному делу московские чекисты подсунили двух своих человек, специально для этого прибывших в Душанбе другим рейсом. Их-то он с сотрудником Разведуправления и повёз на полигон.

В Институте языка и литературы имени Рудаки Кузнецова с нетерпением ждал профессор Ердоев. Сергей зашёл в сумрачный кабинет и остановился у двери, дабы хозяин хорошо его видел и беспрепятственно сам подошёл для приветствия. Как он понял в прошлый раз, пожилой мужчина, оказывается, имел привычку, здороваясь с гостем, снимать очки, причём делал это, ещё не успев встать из-за стола. Была бы шляпа, он снимал бы, наверное, её, но за отсутствием таковой символическим знаком уважения являлся именно

ритуальный жест с очками. А судя по их массивной оправе и толстым линзам, зрение у профессора страдало очень сильно. Поэтому, разглядев визитёра и разоружив после глаза, к гостю он направлялся уже «по приборам». Корректировка на маршруте, вероятно, была проблематичной, и при их знакомстве учёный чуть не сбил Сергея, который опрометчиво сделал несколько шагов навстречу.

— Сергей Васильевич, наконец-то вы добрались до меня. Присаживайтесь. — Профессор, взяв офицера под локоть, позволил ему довести себя до стола и, нащупав столешницу, отодвинул гостю ближайший стул. Сел на место, пошарил рукой, нашёл очки и, водрузив их на нос, широко улыбнулся: — Я перевёл ваш текст, и, по-моему, это сенсация, если, конечно, не чья-то гениальная фальсификация. Будете чай?

— Да, если можно. Я, кстати, привёз вам бакшиш, очень хороший молочный улун. — Подполковник положил на стол бумажный кулёк.

Ердоев открыл его и шумно вдохнул аромат.

— Вай-вай-вай! Какой запах! Контрабандный товар? — Хозяин громко засмеялся, подражая интонации героя из известного фильма.

— Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской, — поддержал весёлый настрой собеседника Кузнецов.

Хозяин заварил подаренный чай и разлил напиток в пиалы. Поставил на стол чашечку с колотым фруктовым сахаром нежно-золотистого цвета. Хотел было закурить, но, глубоко вдохнув, передумал.

— Какая божественная смесь ароматов... топлёное молоко, абрикос и табак, — и опять засмеялся. — Забыл, вы же не курите. Итак, предлагаю перейти сразу к делу. — Он достал несколько машинописных листов. — С вашего позволения, я не буду читать, а перескажу содержание своими словами, дабы не отвлекаться на пояснения особенностей древнемакедонского языка, стилистики автора и множества иных сложных нюансов. Первое, что хочу отметить: текст по содержанию абсолютно аутентичен периоду похода Искандера на восток, и если он подлинный, то позволяет довольно точно датировать время своего написания — октябрь или ноябрь триста тридцатого года до нашей эры. Так точно можно утверждать, исходя из указанного местонахождения автора: Александрия в Ариане, сейчас это афганский Герат (город был заложен в триста тридцатом году), и названного месяца митры по персидскому календарю, то есть где-то октябрь — ноябрь. Кроме того, именно триста тридцатого года, потому как в тексте упоминается пожар в Персеполе, случившийся «весной». Как известно, столицу династии Ахеменидов Искандер сжёг в первой четверти триста тридцатого года, незадолго до начала похода в Среднюю Азию и Индию. — Ердоев шумно отхлебнул остывший чай и продолжил: — Автором является

иларх шестой илы гетайров, некий Байтон. К сожалению, я не нашёл упоминаний о нём в известных мне источниках; впрочем, это и немудрено по причине, озвученной ещё на прошлой встрече. Так вот, этот самый кавалерийский командир пишет письмо самому царю — Александру Македонскому! Представляете? — Глаза профессора в очках округлились до невразумительных размеров.

— Да, по-моему, это дерзкое нарушение субординации, — отреагировал Сергей, доливая в пиалы чай.

— Нарушение?! — всплеснул руками Ердоев. — Да это неслыханный нонсенс! Всё равно, что вы сейчас напишете письмо генеральному секретарю ЦК КПСС. Не как коммунист, а как начальник одного из многих подразделений КГБ СССР. Между вами и товарищем Андроповым как минимум с десятков ступеней должностных лиц, через которые придётся перепрыгнуть. За подобную выходку и тогда, и сегодня автору точно не поздоровилось бы. И вот сейчас вопрос: а в каком случае вы бы решились на такой поступок? Гипотетически, конечно. Только честно.

Кузнецов улыбнулся, сделав вид, что задумался. Учёный, конечно, понимал неуместность подобного вопроса и, естественно, ответа особо не ждал. Поэтому ответил сам:

— Уверен, вариант один: угроза государственного масштаба, к которой причастно высшее руководство с вашим начальством, и выход один — напрямую обратиться к лидеру страны. И сделать так может или совсем отчаявшийся, но глубоко преданный служака, или не совсем адекватный человек, или обычный авантюрист и доносчик, пишущий поклёпы на своё руководство. Хотя! Хотя в последнем случае стукач вряд ли бы подписался своим именем, а у нас автор откровенно называет себя. Так что кроме научной ценности письмо содержит ещё и немалую загадку авторства, поистине детективного характера. Ну да ладно, пока оставим наши домыслы о мотивах исполнителя, а перейдём непосредственно к содержанию. — Хозяин поправил очки и взял листы в руки. — Иларх пишет следующее. На пиру, устроенном царём в Персеполе, он познакомился со служанкой известной гетеры Фаиды; сейчас мы знаем эту женщину под именем Таис. Знакомство быстро переросло в любовную связь, и девушка прониклась к Байтону глубоким доверием. Она рассказала ему, что в ночь известного пожара Таис вывела через тайный ход из горящего дворца персидских царей вельможу Дария Третьего, некоего Валтасара, которого на следующий день царь объявил в розыск как государственного преступника. Кроме того, эта самая Таис состоит в тайной любовной связи с братом царя Птолемеем. В ночь перед тем, как гетере по царскому приказу надлежало убить из ставки, служанка подслушала разговор любовников. Они обсуждали книгу огнепоклонников, что хранил Валтасар, из-за которой его вроде бы и

приказал Александр разыскать. Книгу ранее сожгли, однако, со слов Таис, её второй экземпляр, сделанный из золота, спрятан в Бактрии или Согдиане; царь ничего не знает о наличии копии. Женщина умоляла Птолемея втайне от Александра найти её во что бы то ни стало. Птолемей дал согласие на это, для чего намеревался сподвигнуть правителя двинуться дальше на восток, к Бактрам и Мароканду.

Профессор сделал многозначительную паузу. Положил бумаги на стол, от волнения снял очки и уставился на собеседника; потом водрузил их обратно, изучая реакцию гостя на услышанное. Тот сидел молча и спокойно смотрел на хозяина кабинета, явно не осознавая степень сенсационности услышанного.

— Я сейчас поясню. — Ердоев взял сигарету и закурил. Потом, вспомнив прошлую реакцию офицера на табачный смог, встал и подошёл к окну. Быстро сделал пару затяжек, выпустив дымное облако в форточку. Повернулся к собеседнику: — Бактры — это древнее название столицы Бактрии. Ныне это город Балх одноимённой афганской провинции с административным центром в Мазари-Шариф.

Профессор глубоко затянулся, а Кузнецов в который раз ощутил приступ маниакального синдрома, вызванный очередным совпадением. Конечно, опять случайным, но происходящим всё чаще и чаще. Мазари-Шариф; сейчас туда летит группа Ассасина. «Не, ерунда, вообще никакой связи», — попытался убедить себя разведчик, и дальнейший рассказ собеседника отвлек его от навязчивого ощущения предопределённости событий.

— А Мароканд — столица древней Согдианы, сейчас узбекский Самарканд, — выпустив облако дыма, уже в кабинет, продолжил учёный. — На прошлой встрече я рассказывал, что оба царства подверглись разорению македонской армией. Причём двинуться так далеко на восток Искандера сподвигли не только непомерные амбиции на мировое господство, но во многом и страстное желание сначала пленить Дария Третьего, а после его гибели захватить убийцу персидского царя и нового самозванного шахиншаха. И заметьте, что, кроме ближайших друзей правителя, в чью когорту входил упомянутый в письме Птолемей, сторонников идти на край света в армии почти не было. Тем более в горные и нищие районы Бактрии. Именно поимка убийцы последнего правителя династии Ахеменидов, сатрапа Бактрии Беса, толкнула его на эту авантюру. И захватил самопровозглашённого преемника Дария как раз наш Птолемей! Чувствуете, насколько удачно версия доносчика из письма вплетается в известную историю великого древнего похода?

Конечно, Сергей чувствовал. Ещё бы, слова профессора так не вовремя упали на благодатную почву навязчивого поиска несуществующих причинно-следственных связей!

Ум устал приводить доводы об их отсутствии, но подсознательное ощущение наличия таких лишь усиливалось.

Подполковник задумчиво посмотрел на хозяина кабинета.

— Действительно, волей-неволей поверишь в тайный заговор. Хотя устраивать подобный сыр-бор из-за какой-то книги, даже золотой, явно перебор... мягко говоря. Текст, конечно, интересный, но больше похож на чью-то выдумку и фальсификацию для продажи незадачливым коллекционерам и ценителям древних артефактов.

— Хм, — загадочно улыбнулся Ердоев, — версию про сговор это я так, для интриги высказал. Но! Смотря какая книга. Если речь идёт о священной книге зороастрийцев, то ради подобной добычи могли не только поход организовать, но и целую войну начать. За гробом Господним сколько Крестовых походов было? Не менее восьми. Так что для поиска сакральной Авесты вполне обоснованные усилия.

— Авесты? — На этот раз Кузнецов неподдельно удивился. — Той самой, что сжёг Александр Македонский?

— Вероятно, да. По крайней мере, других писаний, подпадающих под указанные признаки, мне неизвестно. — Учёный прикурил от окурка вторую сигарету. — Вернее, второй экземпляр Авесты; о его существовании упоминается в книге «Шахрихан Эран», повествующей об иранских царях. Кроме того, ряд поздних мусульманских источников также указывает на изначальное изготовление двух экземпляров книги. Один хранился в предместье Персеполя и сгорел в устроенном Искандером пожаре, а второй вроде бы в Шизе; считается, что это рядом с современным Самаркандом. Но всё это легенды, а истины мы не знаем. Поэтому понимаете, насколько сенсационен данный текст?

Сергей задумчиво качнул головой, вспоминая свои знания о религии зороастризма.

— Я слышал, что Авеста, которую сейчас используют беждины, всего лишь позднейшая версия утерянного Священного Писания и, по их собственным словам, мало чем похожа на её первоначальный вариант. Неужто первое издание книги могло быть так интересно древним македонцам? Не думаю, что эта самая Таис и тем более Птолемей настолько прониклись персидской культурой, что стали фанатиками Зардушта.

— Вы правы, самая ранняя версия Авесты, которой сейчас располагают учёные, — это рукопись индийского происхождения, датированная одна тысяча двести семьдесят восьмым годом. Если изначальное, примерно в пятом веке до нашей эры, знания были оформлены в двадцать одну часть, то в сегодняшнем варианте от них осталась лишь одна исконная часть и ещё три, исковерканные до неузнаваемости. Дело в том, что после захвата Персии и уничтожения Авесты её жалкое подобие попытались записать по памяти спустя аж шестьсот лет. В четвёртом веке нашей эры, при династии Сасанидов, зороастризм вновь

стал официальной религией Персии, но восстановленное Писание содержало лишь четверть от первоначального. И даже эту четверть новые правители модифицировали под свои нужды, извратив смыслы и лишив тексты исконного сакрального наполнения. Уже тогда религия Зардуста деградировала до примитивного язычества. А почему? Это очень компетентно сможет объяснить мой коллега из Хорога, чей телефон я вам давал в прошлый раз. Не общались ещё с Арашем Хусейновичем?

— К сожалению, пока не было возможности, — пожал плечами Кузнецов.

— Очень рекомендую. Лучшего знатока религии Зардуста у нас не найти. Хотя причины увядания столь прорывной концепции, на мой взгляд, понятны и так. Какие сказки читает ребёнок в детстве, таким взрослым он и становится. То же касается и духовной литературы. Если бриллиант исконной Авесты в сасанидском исполнении превратился в странное описание ритуалов, то откуда ждать духовных подвижников из числа её почитателей? А тем более когда в шестьсот пятьдесят первом году Персию окончательно покорили мусульмане и этот жалкий вариант Авесты сгинул в Лету. Позже бежавшие в Индию последователи перевели на санскрит единственную уцелевшую часть первоначального текста и по памяти записали остальные, естественно, также приспособив их под местные реалии. Вот этот, по сути, третий вариант священных знаний Зардуста и дошёл до наших дней. Книга представляет собой Писание объёмом примерно в полтора Корана. Если учесть, что в ней всего лишь одна часть, более-менее аутентичная первоначальной Авесте, то исконный вариант содержал в двадцать раз больше знаний, нежели современный. И какие это были знания, мы можем только догадываться, исходя из отрывков и дошедших до нас легенд и преданий.

Профессор сел за стол и, ожидая реакции офицера, откинулся на спинку стула. Кузнецов молчал, обдумывая услышанное. Он вспомнил Аишу в её белом одеянии, лучезарную улыбку и открытый взгляд изумрудных глаз. «Интересно, а что она думает по поводу Авесты и есть ли у неё свой экземпляр?»

Сергей поднял глаза на собеседника:

— Так, ну и как вы считаете, зачем Таис понадобилась Авеста? И почему Птолемей дал согласие на её авантюру? Предположим, что женщина действительно вдарилась в новую для себя религию или... или что? А военачальник пошёл у неё на поводу и не смог отказать любимой? Типа «шерше ля фам»?

Ердоев иронично улыбнулся. Наклонился вперёд, показав на гостя пальцем:

— Чувствуется профессиональный подход сыщика. Вряд ли причина в религиозном фанатизме кого-то из них. Знания! Возможно прикладные, возможно философско-теологические. Помните, я рассказывал о невероятном взрыве научной и философской

мысли в Египте периода династии Птолемеев? Может, ещё в Персии соратник Искандера задумывал свой проект создания в империи центра мировой науки. А священные тексты, по некоторым данным, содержали обширные знания в различных областях. И почему бы роль женщины здесь тоже не была решающей? Или вообще это её идея, которой Птолемей вдохновился. Для меня данный аспект в принципе объясним. Загадка в другом: почему втайне от своего царя? Вернее, даже не так: почему Искандер уничтожил Авесту? Ведь поэтому заговорщики решили утаить информацию о наличии копии Писания. Значит, царь считал эти знания опасными, и наиболее вероятно — для своей единоличной власти. Как вам такая версия событий? — Учёный самодовольно откинулся на спинку стула.

Кузнецов скептически покачал головой:

— Знаете, в теории оперативной работы есть одно важное правило оценки событий или действий.

— Очень любопытно. И какое? — Учёный хитро улыбнулся.

— Оно полностью соответствует принципу объективности научного познания мира. Насколько бы убедительными ни были выводы, сделанные на основе известных и очевидных фактов, всегда нужно помнить, что есть обстоятельства, неизвестные на данный момент и могущие этим выводам противоречить в корне. Так вот, при проверке информации об угрозе безопасности или преступлении указанное правило требует всегда выдвигать не менее трёх версий, её объясняющих. Причём одна из них обязательно должна быть оправдательной. Иными словами, вопреки поговорке «Если что-то выглядит, лает и кусается как собака, то это собака» вывод можно принять за основную версию. Но, дабы соблюсти объективность, моя вторая версия: это волк, а третья, оправдательная... ну, как вариант: при работе с красками помещение обязательно нужно проветривать во избежание токсического отравления, а также визуальных, слуховых и тактильных галлюцинаций.

Учёный громко расхохотался.

— В методологии научного исследования подобное правило тоже присутствует. Однако в нашем случае я временно вывел за скобки версию о подделке и фальсификации манускрипта. Если предположить, что он подлинный и описываемые события имели место, какой будет ваша оправдательная версия? Имею в виду относительно причин уничтожения Авесты Искандером.

— Да их множество. Я просто не очень погружён в исторический материал и не знаю, что об этих событиях нам известно сейчас, но навскидку могу выдвинуть следующие. — Сергей взглянул в потолок и, словно читая там ответ, предположил: — Пили-гуляли, случился пожар, и дворец сгорел вместе с Авестой, что в нём хранилась. А наутро в оправдание Александр обосновал пьяный дебош сожжением идеологически неугодной

литературы и примитивных образцов варварской культуры. А может, по пьяни лень было за дровами идти, вот и затопили камин ценными артефактами. Александр же отличался разгульным образом жизни и непредсказуемыми поступками? Помню, читал где-то, что пиры иногда длились неделями и на одном из них царь учредил приз в виде золотой короны тому, кто выпьет больше вина. Победитель умер через три дня, а всего тогда померло от интоксикации сорок конкурсантов. Да всё что угодно могло произойти. Слишком мало фактуры, чтобы сузить проверку до трёх версий. — Подполковник улыбнулся. — В любом случае, пока неясно время происхождения пергамента, какие-то выводы будут заведомо неполноценны. Более того, наличие в тексте информации о событиях, известных в наши дни, косвенно указывает, что и автор не их современник. Он будто намеренно делает манускрипт столь понятным и сенсационным для нас, то есть очень ценным. Согласитесь?

— Хм, Сергей Васильевич, да вы ретроград! Губите на лету мои попытки выдать желаемое за действительное и придать манускрипту исключительную научную ценность. — Ердоев опять рассмеялся и закашлялся одновременно. — Простите, — постучав себя по груди и успокоив кашель, он отпил чаю, — давно уже пора бросить курить. Вы правы. Но так хочется верить в чудо, тем более настолько похожее на правду.

— У меня в последнее время столько чудес в жизни, что уже и не знаю, куда от них прятаться... — Кузнецов махнул рукой. — Ладно, это лирика. Профессор, как ни печально, но, скорее всего, манускрипт — очередная подделка мошенников. Нам в руки попало фото ещё одного пергамента, что пытался продать наш фигурант. Вот оно. — Сергей положил перед собеседником фотографию второго листа из найденного в подвале футляра.

Перед вылетом он сфотографировал оба пергамента и уже в Душанбе попросил местного офицера по спецтехнике проявить плёнку и распечатать снимки. К сожалению, письмо на первом листе сохранилось намного хуже и на фотокарточке вообще не читалось. А вот текст второго листа, с заклинанием на древнеперсидском языке, оказался вполне разборчив. По крайней мере, уже известные ему слова Сергей прочёл довольно легко.

Ердоев поднёс снимок ближе к настольной лампе. Сам наклонился к нему, чуть ли не носом касаясь глянца фотокарточки. Затем взял лупу и с минуту разглядывал древние знаки.

— Ну, с высокой долей вероятности, — медленно вымолвил учёный, не отрываясь от изучения текста, — могу сказать, что автор использует в письме как минимум три языка... а, нет — даже четыре! Вот эти последние строки гарантированно на древнеперсидском. Я прямо сейчас их прочту. — Он как ошпаренный подскочил со стула и в несколько шагов подлетел к шкафу, откуда вытащил обветшалый словарь. — Сразу возьму и греческий, — улыбнулся он, развернувшись назад на полдороге к столу, — один из языков —

древнеэллинический. Сергей Васильевич, заварите, пожалуйста, ещё чайку, пока я вожусь с переводом. У вас же есть время, надеюсь? С древним фарси я справляюсь минут за пятнадцать — здесь всего четыре строки. — И, не дождавшись ответа, с шумом раскрыл толстенную книгу.

Но только он начал работать, как внезапно хлопнул ладонью по словарю и, восторженно ухмыляясь, уставился на Кузнецова.

— Ахуна Ваирья! — громко воскликнул Ердоев. — Как наилучший владыка! Я перевёл начало, и дальше можно не утруждаться: это главная молитва зороастрийцев. Аналог «Отче наш» у православных христиан или намаза у мусульман. Так, а сейчас посмотрим, что здесь у нас за словечки на древнегреческом. — Профессор вновь почти упёрся носом в фотоснимок.

Кузнецов сидел молча, уставившись в блестящую лысину пожилого мужчины, обрамлённую, как венком, седыми волосами.

— Что вы сказали? — неожиданно поднял взгляд Ердоев.

Сергей тряхнул головой, сам не заметив, как произнёс последние слова молитвы, почему-то запавшие ему в голову сразу после первого прочтения.

— Мне удалось перевести эти строки тоже; правда, я решил, что это скорее всего какое-то заклинание. — Подполковник растерянно смотрел на собеседника.

Тот улыбнулся:

— Нет, это как раз молитва. Любой бехдин знает её с детства. А последнее слово, «дригу», кстати, означает не просто «бедный»; скорее всего, ближе будет иной перевод. От него происходит современное «дервиш» — последователь суфизма, самого загадочного и мистического направления ислама. И вот «дервиш» уже переводится и как «нищий», и как «набожный, смиренный человек, идущий путём духовного развития». То есть «пастырь бедных»; правильнее будет перевести как «пастырь»... не знаю; «верующих в Бога», наверное. Ну, как-то так. — И вновь склонился над текстом.

Буквально минут десять профессор шуршал страницами словаря, что-то бубня себе под нос. После чего достал с полки несколько фолиантов и начал сравнивать фотографию с какими-то иллюстрациями в них. Кузнецов всё это время молчал и, словно находясь в прострации, продолжал смотреть, как на лысине собеседника причудливые отблески света от лампы то сливаются в одно пятно на макушке, то растекаются по краям, придавая седым волосам желтоватый оттенок.

— Как и думал, — опять внезапно и очень громко нарушил почти библиотечную тишину хозяин кабинета, — наряду с древними персидским и греческим языками автор использует арамейскую лексику и египетские иероглифы. Похоже на попытку

примитивного шифрования. С двумя последними я не помощник — придётся привлечь коллег, а вот некоторые греческие лексемы могу перевести уже сейчас. Хотя должен сказать, что автор, похоже, грек: персидский используется лишь в написании молитвы, которая, кстати, продублирована и на древнегреческом тоже, а на арамейском и египетском, вероятно, написаны отдельные слова или фразы, зато на греческом языке изложены целые обороты. Скорее всего, и грамматика текста привязана к этому языку.

Орудя карандашом в одной руке и лупой в другой, профессор бегло просмотрел несколько страниц словаря и выписал найденные варианты переводимых слов в рабочую тетрадь. С полминуты что-то чёркал в записях, потом опять листал словарь и вновь правил. В конце почесал затылок и, откинувшись на спинку стула, резюмировал:

— Из того, что можно перевести сразу, есть несколько имён собственных и связанных с ними оборотов. В частности: «Никад собрался послать в Экбатаны»; последнее, вероятно, название города в Персии. Скорее всего, о нём идёт речь, а Никад — соответственно, чьё-то имя. Здесь вроде понятно, а вот дальше... — Ердоев протяжно выдохнул. — Вот ещё одна фраза, целиком на древнегреческом: «последний гонец»... или «посланник придёт»... а может, «приедет» — и так и так можно перевести... «через одну эру после смерти... Дзеты». — Профессор поднял голову и посмотрел на Кузнецова: — Дзета тоже имя собственное, хотя так называется и буква древнегреческого алфавита Ζ, а также этим словом обозначается цифра семь. То есть получается примерно так: «Последний посланник придёт спустя одну эру после смерти Дзеты».

Кузнецов продолжал задумчиво наблюдать, как желтизна от лампового света переместилась на тёмный блестящий лоб собеседника. Тот воспринял прямой взгляд в глаза за признак крайней заинтересованности услышанным, отчего воодушевился ещё больше и вновь склонился над фотоснимком.

— Вай-вай-вай! Какой занятный текст, оказывается! — воскликнул Ердоев через несколько минут. — Автор-то женщина, гречанка. Сергей Васильевич, слышите?

— Да-да, конечно, — встрепенулся Кузнецов, выйдя из заторможенного состояния наблюдателя. — Женщина? Почему?

Профессор трясущейся рукой сам налил себе остывший чай и залпом выпил целую пиалу.

— В конце на древнегреческом и персидском языках написана молитва, — он поставил чашку на стол, — а перед ней такие слова: «Не забывай, что́ я говорила про мой подарок, и читай иногда молитву, что я вышила на хитоне». Понимаете?

— Глаголы в женском роде?

— Нет, по смыслу. Говорится о подаренной рубахе, на которой автор вышил молитву. Конечно, среди эллинов, особенно в армии, были широко распространены эти... ну, вы меня поняли. Однако не думаю, что, какими бы тёплыми ни были отношения между двумя мужчинами, кто-то занимался бы рукоделием с целью его дарения товарищу.

Кузнецов улыбнулся:

— Да кто их там знает; хотя, думаю, вы правы. — Он на мгновение призадумался и закончил мысль: — Мне недавно тоже подарили рубаху с вышивкой, сделанной своими руками. Девушка.

Ердоев хитро улыбнулся:

— Сергей Васильевич, это намёк! Особа явно имеет на вас виды, поверьте моему опыту. — Мужчина рассмеялся. — Я дважды женат, и оба раза будущая супруга дарила мне свои вышивания. Жду приглашения на свадьбу! — Он громко расхохотался.

Кузнецов смущённо ухмыльнулся, почувствовав себя неловко, и быстро свернул неудобную тему:

— Профессор, я заберу лично ответ на первый запрос. И, если нетрудно, сделайте перевод этого текста без бюрократических формальностей — я улетаю сегодня и подготовить официальную бумагу уже не успею. Буду очень признателен; с меня молочный улун.

Учёный согласился, выдвинув условие, что при обнаружении подлинников пергаментов именно ему они поступят для исследования и экспертизы.

Уже стоя перед дверью, когда хозяин кабинета традиционно снял очки и пожимал руку Сергею, тот поинтересовался:

— Скажите, а вам не показалось странным, что в первом пергаменте речь идёт о Таис, ратующей за Авесту, а второй и вовсе написан женщиной, которая напоминает адресату о необходимости читать авестийскую молитву?

— Интересное совпадение, но я пока об этом не думал. — Ердоев вернул очки на нос. — Надо сначала перевести текст и потом изучить его хорошенько. Много непонятных оборотов и собственных имён. Дзета, Никад, Карун...

— Карун? Вы сказали «Карун»? — Сергей почувствовал, что от волнения у него похолодела спина.

— Да, там есть фраза: «Карун — золотая пристань. Никогда не слышал такого названия. Я попрошу коллег вместе поработать над переводом. Надеюсь, в результате что-то прояснится. — Ердоев ещё раз пожал офицеру руку, не обратив внимания, как вспотела ладонь его гостя.

Глава 2

1983 год.

Сергей вышел из здания и направился вдоль узкой аллеи, что предвзяла главный вход в институт. Жара к обеду набрала обороты. Неподвижный воздух висел над асфальтом раскалённым маревом, и редкие встречные пешеходы учтиво прижимались к самому бордюру, расходясь друг с другом в узкой полосе тени, образованной кронами тутовника.

Про сегодняшний вылет Кузнецов профессору соврал, никуда он не летел. Нужно было ему как-то обосновать отсутствие запроса, а клепать очередную залепуху не хотелось. Ердоев привлечёт к работе коллег, те обязательно растреплются и, не ровён час, информация о несуществующем уголовном деле всплывёт в самый неподходящий момент. Так что время было, и после обеда офицер рассчитывал успеть сделать ряд важных дел.

Он взглянул на часы. Скоро телефонный разговор, что позавчера был заказан на главпочтамте. Двое суток назад его агент на индийский номер сообщил дату, когда Джабраилу позвонит «его советский друг».

В конце аллеи, обильно заляпанной раздавленными плодами шелковицы, величественно раскинул ветки грецкий орех. Старое дерево образовывало крупную тень, что гостеприимно встречала входящих на территорию института. А уходящим она напоминала жирную точку, означающую конец тенистого рая. Дальше всех ожидало свидание с пеклом открытого пространства примыкающей улицы.

Кузнецов встал у границы света и тени. Посмотрел на потемневший ящик из-под пива, на котором утром под деревом сидел такого же цвета седобородый старик и продавал семечки. Затем, прищурившись, взглянул на залитый солнцем проспект и автобусную остановку метрах в ста. Вспомнив о дороге сюда, когда градусник показывал всего-то +31, сразу отказался от идеи возвращаться общественным транспортом. Пошарил в нагрудном кармане рубашки, достал зелёную трёшку. Недолго думая, решил ехать до центра на такси и уселся под деревом на место аксакала.

У земли было прохладней. Вокруг в траве валялись сморщенные орехи, которые никто не собирал, так как по цене стакана газировки они, уже очищенные, продавались на каждом углу. Сергей лениво поднял один, тот оказался пустым. Откинулся на ствол, вытянул ноги и чуть прикрыл глаза. Щеки коснулся еле-еле ощутимый ветерок, гуляющий под кронами деревьев и берущий свои хилые силы у прохладного арыка, что протекал где-то сзади, в зарослях густой травы. Слабый конвекционный поток, возникший между холодным ручьём и раскалённым воздухом за пределами теней, создал под орешником живительный микроклимат. На удивление, ещё десять минут назад его голова кипела от переполнявших

её мыслей и призрачных догадок, а сейчас она была пуста, как скорлупа подобранного плода. Ни думать, ни разбираться в том, что Кузнецов сегодня услышал, ему не хотелось.

Он остановился. В прямом и переносном смысле. Впервые за много лет он остановился не ввиду ожидания чего-то или кого-то. И не по причине усталости и наличия впереди преград, физических или ментальных. И даже не в силу сложности принимаемого решения или складывающихся обстоятельств. Он остановился сам, бесцельно и беспричинно, не имея никаких желаний и не ведая никаких потребностей. Словно вынырнув из водоворота жизненных событий, Сергей вдруг чудом выбрался на берег, и сейчас его жизнь осталась там, а он сам — здесь, под орешником. Сидит, как блаженный дурак, на пивном ящике и флегматично разглядывает прохожих. Те если и обращают на него внимание, то, скорее всего, из-за русской внешности и европейского стиля одежды. Вроде молодой; мало ли, может, устал, присел в тени отдохнуть.

А на самом деле впервые со времён своей юности Сергей просто услышал Себя. Беззвучный шёпот почти не различался, но мелодика голоса воспринималась, и говорящий явно радовался, что наконец-то кто-то ему внимлет. Он говорил без слов, а в эпицентре ментального затишья его послы слышались музыкой, исполняемой по нотам божественной партитуры. Если до этого наедине с собой Сергея накрывали тягостное уныние и липкий страх крошечной безысходности, то в этот раз под старым деревом он вдруг почувствовал покой и радость, ничем не мотивированную, но такую тёплую и забытую, что лишь по улыбкам прохожих сообразил: это они улыбаются ему в ответ.

Кузнецов закрыл глаза. Сладкая нега растеклась по всему телу. Он разомлел и вдруг почувствовал, что тело начало терять свой вес. Точь-в-точь как тогда, возле храма огня. В голове опять появился звон, сначала слабый, но постепенно всё громче и громче, насыщенной и насыщенной, пока не затмил собой всё. Каждая клеточка тела начала мелко вибрировать от этого звука, и когда звон-вибрации достигли апогея, струна лопнула... В абсолютной тишине неощутимый ветерок с ручья поднял Сергея с места, и он медленно оторвался от земной опоры. Открыл глаза. Вокруг ничего вроде не изменилось, и в то же время всё преобразилось кардинально. В чём была разница, понять он даже не пытался, так как субъект этого понимания попросту отсутствовал. Восторг и одновременно животный ужас охватили его. Восторг — от ощущения блаженства, а страх — что он вот-вот отдастся на волю неведомой подъёмной силе и больше никогда не вернётся туда, где останутся Аиша, сын, мама, жена, недоделанные дела и неисполненные мечты. Его неполученный орден и недождавшееся звание. Непереданное письмо от блудливого мужа его несчастной жене. Али, которого он обманул, и клятвы, что так легко раздавал. Ложь, что он плодил безмерно и безответственно, каждый раз убеждая себя в её благородной необходимости. Обещания,

кои не исполнил и часто даже не пытался этого сделать. И самое главное — апостасия, которую он однозначно совершил, но так ещё и не понял, по отношению к кому или чему.

— Писар (сынок), — раздался тихий голос.

Сергей открыл глаза, мгновенно наполнившись бетонной тяжестью. Увидел перед собой начищенные до блеска чёрные калоши, надетые на ноги в тёплых верблюжьих носках— шурабах, и полы синего ватного чапана.

— Шимо худро бад хис мекунед?

Кузнецов с трудом поправил перекошенное тело и сел удобней. Поднял голову. Напротив стоял утренний торговец семечками. Во всех учреждениях начинался перерыв, и старик пришёл на свою точку обрабатывать поток обеденных клиентов. Аксакал, прищурившись, озабоченно смотрел в глаза. Вероятно, когда понял, что перед ним русский, его тёмное лицо ещё больше сморщилось от беззубой улыбки и стало похоже на иссушенную коричневую скорлупу грецкого ореха. Он поставил на землю свой вещевого мешок, сверху положил газеты, предназначенные для сворачивания кульков, и, взяв Сергея за плечо, тихо повторил вопрос на корявом русском:

— Синок, тиби плёхо?

Кузнецов отрицательно качнул головой. Встал с ящика и, улыбнувшись, ответил на дари, что всё хорошо, просто решил чуть посидеть в тени. Старик озорно зацокал языком и даже снял тубетейку, удивлённый знанию русским парнем таджикского языка. Сергей извинился за без спроса занятое торговое место, поправил ящик и вышел на раскалённый тротуар. На секунду замер, адаптируясь к светотепловому перепаду. Не в силах поднять ослеплённых глаз, вытянул в сторону дороги руку с зажатой между пальцами трёшкой и медленно зашагал вперёд.

— Синок! — вдруг услышал он сзади и обернулся.

Старик мелкими шажками подошёл к нему.

— На, покушай. — Аксакал протянул большой газетный кулёк семечек.

— Рахмат, падари азиз, — поблагодарил Кузнецов и, приняв свёрток, полез в карман.

— Пул лозим нест (не надо денег), — остановил его аксакал, взял за руку и пристально взглянул в лицо.

Когда-то глаза старика были голубыми, но время растушевало краску, слезами вымыв лазурную синь, и сейчас они казались скорее блёкло-серыми, хотя у самого зрачка прежний цвет всё ещё сохранился. Кузнецов посмотрел в них, и на секунду взгляд этих глаз ему почудился очень знакомым.

— Храни тебя Аллах, синок. Будь осторожен, — тихо и необычайно проникновенно произнёс старик, словно знал о Сергее что-то, неведомое ему самому.

— Иншааллох... На всё воля Аллаха, — ответил Кузнецов, положив свободную руку сверху и слегка сжав иссушенную ладонь пожилого собеседника.

Тот чуть улыбнулся:

— Иншааллох. — Глаза его заслезились от яркого солнца, и, прощально качнув головой, он направился под старый орешник — там его уже ждал покупатель.

Такси появилось быстро. Жёлтая «Волга» неслась в первом ряду, но, издали заметив голосующего мужчину, водитель лихо перестроился и остановился у тротуара. Зелёный огонёк в углу лобового стекла не горел — значит, машина ехала на заказ и шофёр решил по дороге заработать ещё. Мало ли, может, по пути? Сергей плюхнулся на заднее кресло. Водитель обернулся, изучающе окинув профессиональным взглядом пассажира. Мгновенно оценив степень его платёжеспособности, в то же время сразу предложить оплатить без счётчика он не решился. Обычно на заднее кресло при свободном переднем редко кто садился, и подобный клиент всегда вызывал некую настороженность.

— До центрального телеграфа. — Кузнецов сунул в карман трёшку и протянул таксисту взамен рубль. — Без счётчика, здесь недалеко, на свой заказ успеешь.

— Рахмат! Конечно, успею! — Кончики чёрных усов водителя приподнялись, и его лицо засияло блеском золотых коронок.

Сергею очень редко приходилось пользоваться такси, но всегда он садился сзади. Именно там неповторимый запах салона «Волги» пробуждал у него воспоминания детства. Его вообще удивляло, что за столько лет советский модельный парк такси не единожды обновлялся, но салон у всех машин всегда имел один, вот такой вот с детства знакомый аромат. Каждый раз поездка возвращала его в раннее утро Уссурийска, когда он с родителями впервые ехал на таксомоторе в аэропорт. Невиданный комфорт первой советской «Волги» так потряс маленького Сергея, что память о нём осталась с ним во всех нюансах. Что-то подобное он испытывал ещё в пассажирских самолётах: там он тоже впадал в детство, и вопреки ощущениям многих ему становилось спокойно, уютно и пощеньячи радостно.

Разговор с Джабраилом был коротким. Кузнецов по голосу узнал пакистанца. Убедившись, что тот тоже понял, кто звонит, назвал себя именем агента и сразу проговорил легенду, заявленную Богачом в открытке. Индийский студент и молодой советский рабочий не могли болтать долго по дорогущей международной телефонной связи, да и Богач мог ненароком ляпнуть что-нибудь ненужное. Сергей не строил иллюзий: международные звонки находились под пристальным вниманием КГБ, и с высокой долей вероятности их разговор также записывался. И если сотруднику-технарю что-то покажется подозрительным, обязательно начнётся проверка. Руководство Кузнецова знало о

пакистанце и о потенциальной возможности его выхода на контакт. Но о полученной открытке Сергей доложить генералу Абдусаламову сразу не успел. А когда сегодня тот, будучи не в духе, опять позволил абсолютно безосновательно сорваться на разведчика, подполковник вовсе решил пока про Богача не упоминать. «Да и хрен с ним», — подумал офицер, чувствуя, что доложи он сейчас — Абдусаламов ещё и про седло со сбруей вспомнит, вывернет всё по-своему и найдёт повод обвинить офицера в неправильном учёте трофейного имущества.

— Джабраил, ты написал, что сможешь приехать. Приезжай через неделю... в Душанбе, — акцентируя внимание на последнем слове, ответил Сергей, выслушав приветственную тираду Богача.

— В Душанбе? — удивился абонент. — Но...

— Да. Не перебивай, пожалуйста, сейчас уже закончатся деньги. В этот день я буду свободен и смогу тебя встретить. Через неделю... в Душанбе. Только не вези подарков, просто сам приезжай. В Душанбе... через неделю. Напиши мне, сможешь или нет.

Разговор прервался. Вернее, Кузнецов сам нажал на рычаг телефона, сымитировав окончание оплаченного времени. Место встречи они обговорили заранее, ещё там, на Бондар-посту; сейчас Сергей обозначил дату. Богач хорошо знал фарси, и, в отличие от таджиков Советского Союза, «душанбе» для него в первую очередь означало «понедельник», а уж потом столицу Таджикской ССР. Столь оригинальное название дня недели город получил из-за базара, который сотни лет собирался в данной местности по понедельникам. Потенциальный свидетель разговора из КГБ вряд ли сообразит, что таким хитрым способом обусловлено не место встречи, а её дата — первый понедельник через неделю, то есть 12 сентября 1983 года.

Полковник Макаров с группой Ассасина вернулся спустя двое суток. Операция прошла успешно, хотя, будучи в Мазари-Шарифе, Али чуть не прокололся. По дороге к администрации губернатора он зашёл на базар, где купил новый поколь. Ещё раньше Кузнецов выдал агенту пуштунский головной убор, дабы его внешний вид соответствовал местному большинству, но шерстяной берет оказался великоват, и агент, увидев соответствующий дуكان, решил приобрести обновку. Он померил первый предложенный поколь и, удовлетворённый размером, сразу же отдал продавцу озвученную сумму. А уже на выходе с базара его остановил патруль царандоя. Естественно, дуكانщик немедленно сообщил милиции о странном незнакомце, который пытается выдать себя за пуштуна. Нет в Афганистане такой традиции — уходить с покупкой, не поторговавшись с продавцом хотя бы с полуминуты. Даже шурави — советские солдаты и офицеры — следуют этому правилу,

а тут пуштун. Где-нибудь в равнинном Таджикистане подобное вполне возможно, и торговец лишь махнёт презрительно вслед такому покупателю: «Что с него взять — памирец, у них и базаров-то, наверное, нет. Никогда не торгуются». Поведенческая особенность памирских горцев могла дорого обойтись Али, если б не его знание общих черт, объединяющих местные этносы. Открыв для осмотра сумку с миной, он вынул из неё пачку афгани, и со словами «Я иду на приём к самому губернатору» надменно сунул деньги в руки старшему патруля, и с достоинством удалился. Вопросов у солдат больше не возникло.

Размер афганских банкнот был обратно пропорционален их реальной стоимости. По этой причине 70 граммов пластика закамуфлировать в пачку, представляющую более-менее стоящую сумму, проблем не представляло. Как советская разведка организовала подмену курьера со взяткой, Кузнецов не знал. Но, выполняя инструкции, Ассасин показал охране на входе в администрацию предоставленный ему пропуск и уже в приёмной назвался нужным именем представителя главы улусвольства. Чиновник явно ждал курьера и велел сразу ему зайти. Сидя за столом, губернатор даже не взглянул на визитёра и лишь жестом показал присутствующему помощнику, куда поставить сумку. Агент отдал подошедшему мужчине передачу, сообщил, что в ней же личное письмо от главы района, и спокойно покинул здание. Спустя час он с напарником и сопровождающими сотрудниками уже летел в вертолёт над советской территорией. На следующий день группу перебросили на заграничный Куфаб, как и предписывалось Москвой в самом начале.

Вернувшись в Хорог, Сергей прочёл в еженедельной окружной разведсводке о гибели губернатора приграничной провинции Балх. Подписанная генералом Абдусаламовым телеграмма на пяти листах данную информацию содержала всего в паре строк. Просто: «Погиб руководитель виалята», и всё. Никаких подробностей, словно произошло рядовое по меркам афганских реалий событие. Вместе с тем вечером того же дня пришли две циркулярные ориентировки: одна из округа, а вторая из отдела КГБ по ГБАО¹ ТаджССР. Хорогские комитетчики часто присылали шифровки о розыске преступников, бежавших уголовниках, дезертирах и так далее, что им скидывали сверху или из милиции. Пограничникам, безусловно, они были полезны, так как все эти элементы являлись потенциальными перебежчиками или могли оказаться в поле оперативного внимания. Однако те же сведения, как правило, ещё раньше приходили Кузнецову от непосредственных инициаторов розыска или из округа. Он прекрасно понимал местного коллегу из КГБ, который сугубо по конъюнктурным соображениям дублировал чужую

¹ Горно-Бадахшанская автономная область.

информацию лишь для того, чтобы перечень принятых мер выглядел повнушительней и на вопрос проверяющего «Что сделано по розыску?» можно было в том числе ответить: «Сориентировано взаимодействующее подразделение погранвойск».

Сергей, естественно, особо в ориентировки из местного отдела не вчитывался, но в этот раз его внимание привлёк последний пункт. Судя по размеру, такого в шифровке из округа не было. Обе содержали информацию о розыске кассира совхоза имени Ленина под Кулябом, пропавшего с зарплатой работников; двух солдат, сбежавших из воинской части в Ташкенте; и одного бойца мотострелкового полка, попавшего в плен к душманам где-то в районе Пули-Хумри. Исполнители обоих телеграмм явно не заморачивались и просто перепечатали слово в слово текст из документа, полученного по линии областного КГБ. С одной лишь разницей — в телеграмме из округа не было последнего пункта: «04.09 с.г. в г. Мазари-Шариф (ДРА) совершён теракт, в ходе которого погиб губернатор приграничной с СССР провинции Балх. Органами безопасности ХАД Афганистана разыскивается подозреваемый в его совершении: мужчина средних лет, рост ..., глаза голубые, волосы светлые, по национальности предположительно памирец или выходец (житель) Горного Бадахшана».

Кузнецов прочёл описание повторно. Фотопортрет Али был составлен идеально. В животе сразу похолодело. ХАДовцы до Ассасина не дотянутся точно, а вот в Союзе... Лишь бы не сделали из него расходный материал, дабы замять возможные подозрения в причастности Москвы или исключить их возникновение вовсе. В принципе, не в практике советской политической да и пограничной разведки была вербовка одноразовых агентов. Во время Великой Отечественной такие случаи происходили, но, как правило, всегда и сотрудник, и сам агент прекрасно осознавали, что выполняемое задание — это билет в один конец. Но то война на выживание, а самопожертвование в здоровом обществе — норма. Сейчас же каждый негласный помощник приобретался тщательно, и разведчик, позволивший намеренно подставить источника под удар, долго на оперативной работе не задерживался. Да и подобный цинизм, вопреки ореолу, создаваемому вокруг всемогущего КГБ, никогда не поощрялся — всё-таки нравственные качества офицера в системе госбезопасности были в приоритете. В подавляющем большинстве люди умные, приученные анализировать, искренне верили в идеалы социалистической законности. Нельзя такого воспитывать на лозунгах о самом справедливом в мире государстве и одновременно поощрять его к подлому использованию человека заведомо ему же во вред, тем более решать через него поставленные задачи с последующим устранением как ненужного свидетеля. Была у Кузнецова на памяти пара случаев, когда с лицами устанавливался так называемый ложный оперативный контакт; но то был заведомо враг,

перед которым разыгрывали спектакль с вербовкой, и он охотно на сотрудничество соглашался. Через этих лиц, считающих себя агентами КГБ, душманам сливалась нужная информация, и, естественно, об их безопасности заботились, пока те исполняли назначенную роль. Таким образом разведка провоцировала в стане врага междоусобицу, отводила подозрения от истинных агентов, обеспечивала условия для проведения успешных войсковых операций. Но *à la guerre comme à la guerre* — на войне как на войне; судьба таких двурушников, как правило, складывалась незавидным образом.

С минуту поразмышляв, Сергей отодвинул возникшие опасения за жизнь Ассасина чуть в сторону, однако сразу напрягся ещё больше: почему ориентировку по террористу не включили в окружной циркуляр? Не может быть, чтобы областное УКГБ ею владело и разослало по райотделам, а в округе о ней не знали. Позитив лучше пограничной разведки в прикордоне не имел никто. Значит, в Ашхабаде спустить вниз информацию не посчитали нужным. Почему? Горный Бадахшан — это же Ваханский коридор, что почти весь в зоне ответственности Хорогского погранотряда, и собственно Горно-Бадахшанская автономная область, где сам отряд и дислоцируется. Для кого, как не для Кузнецова, данная ориентировка наиболее актуальна?

Он поднял телефонную трубку.

— Привет пиджакам. Кузнецов моя фамилия, — шуточно поприветствовал Сергей начальника Хорогского отдела КГБ.

— О, привет сапогам! — засмеялся тот в ответ. — Давненько, Серёга, тебя не слышал. Как жизнь, как дела?

— Спасибо, Колян, всё норм. Как ты?

Когда обменялись последними новостями и пообещали заехать в ближайшие дни друг к другу в гости, разведчик перешёл к делу:

— Читаю твою телегу по розыску. Подскажи: про террориста, что под нашего памирца канает, есть дополнительная инфа? Может, фото тебе скинули или ещё что?

— Не, как с области пришла ориентировка, так тупо тебе её и перепечатали, — хихикнул комитетчик. — Можешь мне свою переслать, если нужно для отчётности по оперативному розыску. — Он засмеялся.

— Да у меня и без этого бумагу некуда девать, — весело ответил Кузнецов.

Поболтав ещё с минуту....